

Михайло УМАНЕЦЬ

Михайло Пантелійович Уманець — один з провідних фахівців атомної енергетики України. З 1987 до 1992 року працював генеральним директором Чорнобильської АЕС. На його очах і за його активної участі розпочалося будівництво Славутича, виросли перші квартали кра-сеня-міста.

МОЕМУ СЛАВУТИЧУ

Чистым золотом вышит
Полыхает закат,
В белорозовой вишне
Утопает мой сад.
И открытые плечи
Ласку воздуха пьют...
В нашем городе вечер
И домашний уют.
Где-то пышная Вена
И роскошный Париж
Над Дунаем и Сеной
Свой лелеют престиж.
Красотою надменной
Манят нас города...
Только я непременно
Возвращаюсь сюда.
В этот город неброский,

Но до капельки свой,
Где березки-подростки
“Здравствуй” — шепчут листвою.
Где серебряной гривой
Тополя машут мне,
И девчата красивы
Как нигде на земле.
Где в потоке прохожих
Столько лиц дорогих.
Нет на свете дороже,
И не надо других.
Город мой, как ты вырос!
Сколько ж пролито слез,
Сколько бурь прокатилось,
Сколько туч пронеслось.
Над тобой еще хрупким,
Еще юным таким,
Ткали грязные руки
И невежд языки
Белый саван до срока,
И пугали тобой.
Где теперь те пророки?
Ты же жив, город мой.
Были трудными роды
В “круговерте” тех дней,
Только дружба народов
Оказалась сильней.
Здесь и в пекло, и в стужу
В каждый дом и квартал
Щедро вкладывал душу
Интернационал.
Помнят круг тех событий
Человек и гранит...
Здесь ничто не забыто
И никто не забыт.

Неразрывной судьбою
Я повязан с тобой
И готов за тобою
И на праздник, и в бой.
Я молю, где б я ни был,
Чтоб тебя сохранил
Добрый труженик неба,
Тезка мой — Михаил,
Чтобы черные тучи
Не застили твой путь,
Чтоб вернуться в Славутич
И душой отдохнуть.
И сегодня я дома,
И к застолью в саду
Я друзей и знакомых
По обычаю жду.
Соберемся на праздник
Воскресенья Христа —
И погода прекрасна,
И в душе чистота.
Чистым золотом вышит
Полыхает закат
И блаженством Всевышний
Осыпает мой сад.
Скоро женщины свечи
У камина зажгут...
В нашем городе вечер
И домашний уют.

Июль 1995 г.

ПО ДОРОГЕ НА РАБОТУ 1 ФЕВРАЛЯ 1991 ГОДА

Как устал я! О если бы знала ты, Родина!
Как устал я агонию видеть твою.
Все святое измызгано, лучшее продано,
И остатки уже с молотка продают.
Обезумев от запаха власти, на княжества
Раздирает тебя всех мастей воронье...
Как я верил в тебя, но порою мне кажется,
Что на ладан могущество дышит твое,
Что тебя искрошат в этой чертовой мельнице,
Возвестит свой приход хрустом косточек новь —
Шеварнадзе, Алиевы, Снегуры, Ельцины...
Разве их остановит народная кровь?
Вон уж льется водицей она по окраинам,
Толпы беженцев тонут в дорожной пыли.
Партократия пухнет, как пухла на краденном,
Спекулянт с рэкетиром всю расцвели.
А трибуны всех форумов бездарью пеняются,
Дрянь взбодрилась, ликует, из нор так и прет —
Рух, саюдис, бендеровцы, верные ленинцы —
На словах все готовы в огонь за народ.
Сколько их за историю ты перевидела,
Обещавших добро и посеявших зло...
Так фатально всегда не везло нам на лидера,
А сейчас уж фатальнейше не повезло.
Плюралитик ньюмыслящий, дьяволом меченный
Сжег в пылу перестройки бывшее до тла —
Ни одеть, ни обуть, ни поесть уже нечего,
И с сумою держава по миру пошла.
Ну, а там, за кордоном мыслитель наш в спросе,
Щедро льются, звенят золотые дожди...
Глядь, и терем, как в сказке, явился в Форосе,
Глядь, и Нобель уж гнездышко свил на груди.
Фатерлянд, изумленный нежданной удачею,
Кой-чего от щедрот и народу привез —

И детей наших пичкают, кормят подачками...
И обидно, и стыдно, и больно до слез!
А народ? А народ скоро выйдет на паперти
Пожинать, голый, босый, голодный и злой,
Плюрализма плоды и дары демократии,
И мышления нового рай неземной.
Как устал я. Сегодня часы мои пробили
Пятый год неожиданой Вахты моей,
Вахты номер одиннадцать* в горьком Чернобыле,
Пятый год изнурительных дней и ночей.
Пятый год километров по милой, измученной,
Опаленной и политой кровью земле...
И пора бы привыкнуть. Давно все изучено,
Но привычки господь не судил, видно, мне.
И ищущу я дымы утром зимним над крышами,
Освещенные окна в осеннюю ночь.
А в весенних садах, полыхающих вишнями,
Тишину и безлюдье сносить мне невмочь.
Не привыкнуть мне к селам, поросшим крапивою,
И к тоске сиротливой покинутых хат.
И на каждом подворье, над каждою ивою
Я на этой земле без вины виноват.
И бывает порою всею ночью неделями
Снится бабка в слезах, дрожь морщинистых щек:
“Ой сыночки, сынки, что с землею вы сделали?..
Я, сыночки прощу, да простит ли вам Бог?”
Пятый год никогда не гадал и не думал я,
Что придется нести этот дьявольский крест,
Что поставит судьба будто к стенке под дулами,
Ожидать, когда гибелью брызнет обрез.
Ждать, когда же закончатся игры азартные
Во дворцах, бастионах баталий за власть,
Где Чернобыль — надежда, козырная карта
Неспособных другую разыгрывать масть.
Потому, что убогость и уозость познания

Лишь одно позволяет с трибун им долбить,
Что лежат-де в основе основ созидания
Три кита: закрывать, отнимать и делить.
В кровь уже свистуны измочалили душу.
Чем жива и чем держится эта душа?
Не читать бы ни строчки, не видеть, не слышать,
И, послав все к чертям, без оглядки бежать.
Чтоб не жгли меня мысли, тревожные, горькие,
Если завтра случится Чернобыля пядь,
С этой воющей сворой друзей перестройки
Сотой доли Чернобыля нам не поднять.
Только там, — в эпицентре, на блоках, — товарищи.
С ними Родина, долг, с ними совесть и честь.
Жизнь вдохнувшие в страшное это пожарище
И донныне на Вахте стоящие здесь.
И я горд, что я с ними, что я их частица,
Верю, знаю — наступят, придут времена
И истории им до земли поклониться,
И потомкам святые назвать имена.
Потому, когда кажется, с места не сдвинуться
И мыслишка смердит: мол, гори все огнем!
Все же, Вахта**, ответьте: “Я Вахта одиннадцать*.
Как на блоках, подробнее, Вахта. Прием.”
И эфир насторожено щупает рация.
Чуть салон освещает зеленый глазок.
Пятый год... Как устал я! Вокруг радиация.
Вот он пятый, в утробе задушенный блок.